

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Научная статья
УДК 340(151+153+154)
DOI 10.33184/pravgos-2025.1.19

Original article

ТИМОНИН Анатолий Николаевич
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия,
e-mail: timonin.anatoly2011@yandex.ru,
<http://orcid.org/0000-0002-8700-0219>

TIMONIN Anatoly Nikolaevich
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Russia.

СООТНОШЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО ЕВРОПЕЙСКОГО ГОСУДАРСТВА И ПРАВА В ДОКТРИНЕ П.А. КРОПОТКИНА

THE CORRELATION OF THE MEDIEVAL EUROPEAN STATE AND LAW IN THE
DOCTRINE OF P.A. KROPOTKIN

Аннотация. Актуальной задачей отечественного государственоведения и правоведения остается противостояние идейно-теоретическим конструкциям русского классического анархизма. Цель: установить значимые особенности и недостатки трактовки П.А. Кропоткиным соотношения государства и права на материале средневековой Европы. При написании статьи автор руководствовался междисциплинарным и классовым подходами. Использовались общенаучные и частнонаучные методы: исторический, проблемно-теоретический, формально-логический, текстологический. Материалы: памятники права, другие исторические источники, зарубежная и отечественная историография. Анализ показал, что работы П.А. Кропоткина отличаются не только ярко выраженным антиэксплуататорским пафосом, но и столь же выраженной тенденциозностью. Результаты: априоризм, антиэтатизм и антилегизм, радикальный локализм, европоцентризм, диффузионизм, циклизм и катастрофизм, облеченные в форму постулатов, предопределили односторонние трактовки П.А. Кропоткиным взаимодействия средневекового европейского государства с позитивным и обычным правом. В первом случае оно приняло сугубо каузативный вид, а во втором – преимущественно конфликтный. Таковы ключевые изъяны корреляционной концепции П.А. Кропоткина.

Ключевые слова: государство, право, закон, обычное право, классический анархизм

Для цитирования: Тимонин А.Н. Соотношение средневекового европейского государства и права в доктрине П.А. Кропоткина / А.Н. Тимонин. – DOI 10.33184/pravgos-2025.1.19 // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 1. – С. 170–186.

Abstract. The actual task of Russian state studies and jurisprudence remains the opposition to the ideological and theoretical constructions of Russian classical anarchism. Purpose: to establish the most significant features and disadvantages of P.A. Kropotkin's interpretation of the correlation of state and law on the example of Medieval Europe. When writing the article, the author applies interdisciplinary and class approaches. General scientific and specific scientific methods are used: historical, problem-theoretical, formal-logical, textual. Materials: monuments of law, other historical sources, foreign and national historiography. The analysis shows that P.A. Kropotkin's works are characterised not only by a pronounced anti-exploitation pathos, but also by an equally pronounced tendentiousness. Results: apriorism, anti-statism and antilegism, radical localism, Eurocentrism, diffusionism, cyclism and catastrophism, clothed in the form of postulates, predetermined P.A. Kropotkin's one-sided interpretations of the interaction of the medieval European state with positive and customary law. In the first case, it took a purely causative form, and in the second, it was predominantly conflictual. These are the key flaws of P.A. Kropotkin's correlation concept.

Keywords: state, law, statute, customary law, classical anarchism

For citation: Timonin A.N. The Correlation of the Medieval European State and Law in the Doctrine of P.A. Kropotkin. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 1, pp. 170–186. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2025.1.19.

ВВЕДЕНИЕ

Предваряя анализ творчества П.А. Кропоткина, стоит сразу разочаровать тех, кто ожидает от нас детального разбора всех или хотя бы одного из направлений русского классического анархизма. Наш замысел состоял в ином: выявить не только отличительные черты, но и изъяны трактовки П.А. Кропоткиным исторического соотношения государства и права на материале средневековой Европы. При этом отдельные выходы за пределы истории Средневековья возможны тогда, они всецело подчинены цели настоящего исследования.

Обращаясь к работам классика русского анархизма, считаем своим долгом предупредить читателя, что никаких симпатий ни к писаному праву, ни к этатизму от него ожидать не стоит. Как и подобает правоверному анархисту, бежавшему от царизма в Западную Европу и потому писавшему чаще на западно-европейских языках и для европейского читателя, П.А. Кропоткин отвергал любые модели государства. Он отождествлял государство с величайшим злом на планете и крайне негативно отзывался и о римской имперской государственности, Рим же республиканский рассматривался им в качестве догосударственного образования. Словно предвосхищая современных критиков Римской империи, наш анархист порицал все, что так или иначе было связано с этой политией: право, государственно-правовые доктрины, остаточные элементы античной государственности. Не погружаясь глубоко в историю какого-либо другого региона, П.А. Кропоткин уделял приоритетное внимание Западной Европе, как средневековой, так и эпохи Нового времени. Касаясь Древнего мира, он ограничился упоминанием самых крупных государственных образований – государств-империй, которым противопоставлял порядки и структуры, присущие догосударственной жизни.

П.А. Кропоткин о корреляции государства и права в истории средневековой Европы

Оказавшись за пределами России, князь-анархист подверг жесточайшей критике все области общественной жизни тогдашней Европы. Изложенная в соответствующих статьях, эта критика в обобщенном виде на-

шла отражение в книге, опубликованной в 1885 г. под названием «Paroles d'un révolté». По словам самого Кропоткина, первоначально она была озаглавлена «Слова мятежника» («Слова бунтовщика»). В ней все было подчинено идейной подготовке грядущей революции, в том числе мысли о преимуществах обычного права по отношению к праву позитивному вообще и систематизированному римскому праву в особенности. Раскрывая основные параметры общественно-политической и правовой жизни средневековых народностей, положивших начало современным государствам Европы, П.А. Кропоткин, в частности, отмечал, что практически вся правовая жизнь в те времена строилась на основе обычного права. Данная правовая традиция сохранилась и в XIX в. Тогда сельское население современных Кропоткину европейских стран, включая Россию, предпочитало применять меж собой не официальное законодательство, а именно это неписаное право [1, р. 221].

Налицо необычайная стойкость и живучесть обычно-правовой традиции. Но власть предрержащие начиная как минимум с X в. пытались если не искоренить эту традицию, то заметно потеснить ее путем принятия писаных законов. Правда, первые законы были не чем иным, как сборниками обычаев, унаследованных от поздней первобытности. Среди них было немало сугубо элитарных нововведений, внедренных в правовую ткань тогдашних обществ по настоянию и в интересах жречества и воинства. Неудивительно, что первые законодатели средневековой Европы виделись П.А. Кропоткину «горсткой разбойников, организовавшихся для грабежа народа». Не лучшим образом представлены и священники, которых он изобразил служителями византийской церкви, транслирующей «восточный деспотизм» в сообщества галлов и германцев. В результате в обычном праве и тех и других появились ранее якобы неизвестные этим народностям смертная казнь и пытки. Венцом деспотического транзита стал «римский кодекс», с помощью которого удалось окончательно вытеснить первобытный коммунизм из обычно-правовой сферы и заменить его понятием «неограниченной собственности на землю» [1, р. 230, 231–232].

Закономерным откликом простонародья на все эти негативные процессы стали восстания городского люда, которые к XII в. сли-

лись в один поток, своего рода «первую революцию». Породив вольные города, она не смогла покончить со всеми антинародными законами. К несчастью для городов, их свободы спустя некоторое время были растоптаны набиравшей силу королевской властью, и такая цивилизованная нация, как французская, оказалась ее «прислугой» [1, р. 232].

В более поздней работе – «Государство и его роль в истории», опубликованной в 1896 г., подчеркивая ведущую роль правовых предпочтений простонародья, П.А. Кропоткин писал, что «римское право было простым дополнением к обычному праву». Данная работа, точнее очерк, первоначально представляла собой лекцию, как о ней отзывался сам автор, включенную им в состав более обширного произведения – «Современная наука и анархия», став третьей его частью. Конечно же, и Церковь, и возникающая королевская власть, будучи представителями «вновь всплывшего византийского или римского закона», не могли оставить в покое своих вольных соотечественников, объединенных в крестьянские общины, гильдии и прочие союзы, и обрушили на них «свои отлучения, а также свои предписания и законы». Но все эти правовые акты, как и церковные проклятия, «остаются мертвой буквой» [2, с. 11, 13]. В этом плане взгляды П.А. Кропоткина смыкаются с воззрениями испанского мыслителя Хоакина Косты, точно так же противопоставлявшего обычное право – достояние испанских провинций и народов – официальному закону, который являл собой «гнусный консорциум добра и зла», «гнусный инструмент» в руках элиты, искажающий подлинное право [3, р. 9, 108]. Столь же негативно и в том же инструментальном ключе князь-анархист характеризовал законодательство всех прошлых эпох, а не только современных ему США и Европы.

Государство, по мысли П.А. Кропоткина, продукт злонамеренной деятельности правящих групп, возвысившихся над народными массами в результате использования широкого спектра самых бесчестных средств. Стремление упорядочить терминологию приводит его в абстрактную сферу, представленную такими парными понятиями, как «государство и общество», «государство и правительство». Уточняя соотношение первой категориальной пары, Кропоткин напомина-

ет широкой общественности о том, что общество гораздо старше государства, регулярно упоминает родоплеменной строй и «общинный быт» тех людей, которые на протяжении многих веков, а то и целых тысячелетий обходились без государства. Поэтому всякое стремление к отождествлению указанных понятий в высшей степени ошибочно. Столь же ошибочно, по его мнению, смешение понятий, составляющих вторую категориальную пару. Государство уже только тем отличается от правительства, что представляет собой такую территориальную организацию, которая немислима без концентрации большинства или даже всех функций жизни общества в руках немногих. Итак, государство, вне зависимости от его формы и типа, под пером классика анархизма неизменно предстает инструментом правящих и господствующих групп, жестоко эксплуатирующих подвластное население и подавляющих личность.

Сложнее дело обстоит с феноменом права, который, по П.А. Кропоткину, состоял из гетерогенных, противостоящих друг другу правовых комплексов. Один из них – всецело народного происхождения, он включал в себя правовые обычаи простонародья и народные договоры. Другой был представлен законодательством, как современным, так и прошлых эпох. Но всякий раз, вне зависимости от места и времени, в любой европейской стране им наблюдалось характерное противостояние писаного права праву обычному. Законодательству П.А. Кропоткин отводил роль элитарного инструмента, причем вторичного и производного – прямого продукта деятельности главного врага всех анархистов – государства. Легко догадаться, что иной связи, кроме причинно-следственной, между двумя элитарными инструментами им не усматривалось.

Иначе, по мнению П.А. Кропоткина, развивалось взаимодействие между государством и обычным правом, возникшим естественно-историческим путем первоначально в условиях родоплеменного быта у всех народов Земли и сохранившим свое значение главного регулятора народной жизни у средневековых и в определенной мере постсредневековых европейцев. Будучи образованием сугубо элитарным, государство, как думалось Кропоткину, повсеместно воцарилось в Европе сравнительно поздно – не ранее XVI в. Возникшее

в обстановке бесконечных войн, повсюду иницированных европейскими элитами, государство выглядит в глазах отечественного анархиста феноменом, невысказанным без войны. В русском издании своих «Речей бунтовщика» Петр Алексеевич так и напишет: «"Государство" и "война" – два неразлучных понятия» [4, с. 15]. Буквальный перевод той же фразы в зарубежном издании звучит несколько иначе: «Кто говорит "государство", тот подразумевает "войну"» [1, р. 13]. Как видно, обычное право и государство разнятся у П.А. Кропоткина и хронологически, и генетически, а также, что более важно, сущностно. Одно из них слугит воплощением мира, другое – бесконечной войны, губительной для самого существования европейских государств, созданных по образу и подобию «римского или, скорее, византийского типа». Первое воплощает народную (федеративную) традицию, второе – римскую (централизованную), противостояние между ними неизбежно, как неизбежны и острейшие конфликты, которые П.А. Кропоткин с готовностью прослеживает «на протяжении всей истории нашей цивилизации» [2, р. 10, 41].

Поскольку в течение всего Средневековья в жизнедеятельности всех европейских народов на первый план, по мнению Кропоткина, вышли процессы самоорганизации, самоуправления, саморегуляции, развивавшиеся как на обычно-правовой, так и на народно-договорной основе, то доминирующая роль тогда принадлежала народной (федеративной) традиции. В средневековую эпоху европейцы, неуклонно продвигаясь от вольности к вольности и от общины к общине, периодически менявшей свое обличье, достигли высшей стадии саморазвития общинного быта – стадии вольных городов. Самим фактом своего появления коммуны, повсеместно свободные уже в XII в., не только спасли Европу от угрозы установления «теократических и деспотических монархий», но и от утверждения на ее территории «римских централизующих воззрений». Их значение в истории средневековой Европы, согласно П.А. Кропоткину, было настолько велико, что он посчитал возможным отождествить процесс возникновения коммун с революцией [2, р. 15].

Все «независимые города», будь то коммуны Италии, Фландрии, Галлии, Германии или же скандинавского и славянского миров, с его точки зрения, возникли как естествен-

но сложившиеся для той эпохи образования. При таком подходе, когда средневековая самобытность процесса образования городов и их дальнейшего развития – все, а его римская подоснова – ничто, римским влиянием на этот процесс можно было совершенно пренебречь. Поэтому князь-анархист никогда не скрывал своего негативного отношения к римскому влиянию, раз за разом сводя его к нулю и одновременно обвиняя историков в преклонении перед всем римским (образом мышления, «институтами Рима»). Заодно П.А. Кропоткин уличал историков в полном непонимании сути «коммунального движения XI–XII веков», которое, как он полагал, только с XV в. стало порождать свою противоположность – города-государства. Именно тогда в городах, по его мнению, стала развиваться «классовая борьба, а вместе с ней» в коммунах появилось и «государство» [1, р. 203, 205; 2, р. 20]. Но начиная с XVI в. все они падают жертвой более могущественного соперника – государств централизованных, государств бюрократических. В ходе разрушительных конфликтов были уничтожены городские свободы и «свободные договоры», достигнуто подчинение ранее свободной личности. В результате все без исключения люди, как подчеркивал отечественный анархист, оказались в состоянии всеобщего рабства «у короля, судьи и священника», коротко говоря – «у государства» [2, р. 20].

С тех пор централизация и бюрократизация, словно гигантская паутина, опутали все государства Европы, пронизали их сверху донизу. Не изменили их классово-эксплуататорской сути даже буржуазные революции, которые на поверку оказались «поверхностными». Единственно верным путем, способным покончить с губительным для всякой цивилизации засильем бюрократического государственничества и привести к победе «вольного коммунизма», при котором отпадет надобность и в государстве, и в законодательстве, является радикальная революция. Неисправимый локалист, неустанно воспевавший достижения общинных структур (сегодня их назвали бы демократией малых пространств), П.А. Кропоткин был глубоко убежден в том, что грядущая общеевропейская революция неизбежно примет сугубо «местный» характер. По его мнению, начало социальной революции будет положено не в национальном парламенте или конвенте, а в отдельных городах. При этом

развитие событий «будет различным в разных городах» и зависеть от «местных условий и потребностей» [5, с. VIII, IX].

КРИТИКА КОРЕЛЯЦИОННОЙ КОНЦЕПЦИИ П.А. КРОПОТКИНА

В книге, первоначально озаглавленной «Распадение современного строя» [4, с. VIII], П.А. Кропоткин нещадно критиковал любую сферу общественной жизни стран Западной Европы за повсеместную дисфункцию государства, крайнюю неэффективность бюрократии и законодательства. Иначе говоря, везде он наблюдал всеобщее разложение и безысходный тупик. Гниющей современности наш анархист противопоставлял средневековые общинные порядки, которые были освещены им в самом общем виде. Подчеркнем: вовсе не средневековая или же какая-либо иная история занимала все внимание Кропоткина, когда он публиковал свои статьи в швейцарской анархистской газете. Об иной цели, вполне современной мятежному автору, он давал понять и в уже упомянутом предисловии к своей книге, составленной из данных статей. «Цель этих статей была – изложение основных начал Анархии и критика современного общества: особенно его понятий о государстве, о политических правах, о представительном правлении, о централизации и о власти вообще» [4, с. VII].

Дабы ярче оттенить авторскую картину всеобщего кризиса, неминуемого краха и столь же неизбежной трансформации всей современной ему жизни, упоминается им и римская империя. Именно для этого П.А. Кропоткину понадобилась прямая параллель между двумя эпохами, каждая из которых оказалась эпохой «зловонного болотного застоя» – декаданса [1, р. 22, 18]. Можно подумать, что современники Сидония Аполлинария – бургунды и прочие варвары, захватившие старые римские поселения, или их преемники – средневековые европейские города, источали утонченные ароматы! Так, Симона Ру, освещая достоинства и недостатки средневековой парижской повседневности, спешит предупредить своего читателя: «Париж не всегда был загаженным, зловонным» [6, р. 22, 18]. А чтобы сказал сам Рюрикович, если бы к нему на кухню, как некогда к Сидонию Аполлинарию, вломилась бы толпа бургундов, отрывающих ему в лицо запахи лука и чеснока?

[7, р. 213] Вопрос, как говорится, риторический. Между тем и те и другие, как мы знаем из работ П.А. Кропоткина, удостоились самой высокой его оценки. Впрочем, такому бескомпромиссному локалисту, как Петр Алексеевич, не было дела до каких-то нюансов образа жизни средневековых европейцев, пусть даже самых неприглядных. В особенности тогда, когда они могли скомпрометировать любезные его сердцу средневековые структуры, способные в силу одного только их размера конкурировать с Римской империей.

Революция, всемерная подготовка ее победы для такого непоколебимого борца, как Кропоткин, затмевали если не все, то очень многое, не оставляя места более внимательному отношению к тем или иным средневековым реалиям. Зато идейное обеспечение скорейшего революционного ниспровержения той самой государственности, с враждебным отношением которой к себе и трудящимся он неоднократно сталкивался и на Родине, и за ее пределами, неизменно оказывалось высшим приоритетом. Констатируя ослабленное состояние главного врага всех трудящихся перманентными войнами и прочими кризисными явлениями, которыми была так богата общественная жизнь Европы в эпоху позднего модерна, классик анархизма уверял своих читателей в близкой гибели всех государств этого континента. Однако прогноз этот сбылся лишь отчасти: в результате Первой мировой войны были сокрушены только три европейские империи, но на их месте, вопреки его ожиданиям, появились вовсе не «новые организации, основанные на новых принципах», а новые государства. Сам же Петр Алексеевич выражал надежду на то, что государство как особый способ социальной интеграции повсеместно изжило себя еще в конце XIX в. и неизбежно будет замещено фрагментированными структурами, угодными анархистам [1, р. 25–26].

Перед уходом из жизни Кропоткину пришлось убедиться в том, что латинские страны революционными процессами, о которых он так много писал, обращая прежде всего к франкоязычной общественности, охвачены не были. Не произошла новая революция и во Франции, на которую Кропоткин возлагал особые надежды. Но быть может, в этой стране возобладала автономизация, регионализация, растущая фрагментация политико-правовой жизни? Нет, конечно же, ибо Франция,

вопреки надеждам русского анархиста, так и осталась государством унитарным. Может показаться, что нашему анархисту больше повезло с Испанией и Италией. Хотя регионалистский характер этих стран сегодня не подлежит сомнению, но заместить в них государства какими-либо иными организациями, выстроенными на анархистских идеях и всецело руководящихся ими, не удалось ныне ни испанским, ни итальянским анархистам. Такая же судьба постигла и «взаимные обязательства» европейских рабочих (в русском варианте – «свободные договоры»): до сих пор никому из пролетариев Европы, объединенных в профсоюзы и партии, не удалось заменить законы своими договорами, совершенно вытеснив их из системы источников права хотя бы одной национальной правовой системы.

Совершенно очевидно, что в своих работах классик русского анархизма гораздо больше внимания уделял кризисному состоянию европейской государственности и законодательства, их историческому предназначению и общей судьбе, нежели собственно историческому соотношению государства и права. Тем не менее существенным элементом его корреляционной трактовки является положение о том, что право способно существовать и успешно функционировать как до возникновения государства, так и после его (государства) гибели в результате победы радикальной революции, способной глубоко преобразовать все сферы общественной жизни. Такая же гибельная участь была уготована Кропоткиным и законодательству.

Но вернемся к эпохе раннего Средневековья. В каком же соотношении с некогда могущественной Римской империей находились ранние германские королевства? На этот вопрос в науке даются разные ответы. Один из них сводится к тому, что на смену отжившей свой век Западной Римской империи пришли политики с «текучей» государственно-правовой жизнью, с неустойчивыми государственными границами, с нечетко определенной территорией, с подвижным образом жизни королей, их дворов, исключавшим поначалу появление постоянной столицы государства. Весь этот перечень был бы неполон без признания разной степени воздействия на такого рода политики римской правовой и политической культуры, унаследованной в первую очередь Византией, откуда новоявленные

германские государи стремились получить грамоты, титулы и прочие символы государственной власти. Характерным примером может считаться сообщение Григория Турского: «И вот Хлодвиг получил от императора Анастасия грамоту о присвоении ему титула консула... И с этого дня он именовался консулом и Августом» [8, с. 57].

Конечно же, можно было бы усомниться в полной достоверности всех деталей данного сообщения, но с этого момента августианской легенде была суждена долгая жизнь. Действительно, 25 января 800 г. Карл Великий «принял имя Императора и Августа» [9, с. 113]. Она живо напоминала о себе и много позже. Так, литераторы XVII в. преподносили и Людовика XIV как нового Августа [10, р. 195]. Однако и эта легенда, и прочие элементы государственной идеологии европейских стран были объявлены П.А. Кропоткиным династическими баснями и оставлены без должного внимания [11, с. 67], ибо они не вписывались в анархистскую версию истории средневековой Европы, исключавшую средневековые подобию Римской империи. В том же ряду оказалось и шутивное прозвище «новый Солон Бургундский», которым Сидоний Аполлинарий наградил своего друга Сиагрия. Высокородный поэт не без иронии писал о том, что многие бургунды, включая «старцев согбенных», невольно усваивали «латинский дух», когда чуть ли не с открытым ртом внимали его другу, растолковывавшему им смысл бургундских законов [12, р. 154].

Общеизвестное определение средневековой Германии – *Sacrum Imperium Romanum Nationis Teutonicae* (Священная Римская империя германской нации), титулатуры Оттона I и Оттона II даже не были упомянуты князем-анархистом. Первый, как известно, принял титул «императора римлян и франков», второй – «*Romanorum imperator augustus* императора-августа римлян». Их преемник Оттон III возродил формулу *renovatio Romanorum imperii*, использованную еще Карлом Великим, и даже пытался перенести столицу империи в Рим [13, р. 83–89]. Обычно данные факты расцениваются как свидетельства в пользу трансляции империи – перехода суверенитета во времени: от римлян – к германцам. Классик анархизма прошел мимо всех попыток возрождения Римской империи на Западе, заместив их идеей деспотического транзита из Византии в Евро-

пу X–XI вв., не получившего тут сколько-нибудь заметного воплощения по причине господства «общинного быта». Поэтому вместо крупных государственных образований, созданных Каролингами и Оттонами, он увидел здесь лишь «зачатки мелких деспотических королевств и теократий» [14, с. 161].

Проигнорировано П.А. Кропоткиным и эпистолярное творчество Оттона Фрейзингенского, который в письме, адресованном своему венценосному племяннику, под 1154 годом сообщал о том, что целая провинция Северной Италии получила свое название от Рима. Подметил он и то, что итальянцы «в вопросах сохранения природы политической организации все еще подражают опыту древних римлян». Поясняя эту мысль, дядя германского императора не без возмущения писал: «Они так сильно стремятся к свободе, что, избегая единоличной власти, управляются консулами, а не одним правителем» [15, р. 116]. О консулах как о главах цехов средневековых итальянских городов сообщается в статуте Флоренции, вступившем в силу 18 января 1293 г., в «Хронике» Бонаккорсо Питти и других источниках¹ [16, с. 54]. Неслучайно наш современник Филип Джонс отмечал: «В Италии, как нигде больше, города и коммуны воспринимались и ощущались как воплощение древних цивилизаций, как возрождение римского республиканизма» [17, р. 52].

Казалось бы, сама идея какого-либо влияния давно погибшего Рима на политическую жизнь средневековых европейских городов для князя-анархиста, неотступно продвигавшего концепт их естественного происхождения, представляет собой недопустимое излишество. Так, еще в 1885 г. П.А. Кропоткин со всей категоричностью утверждал, что «римское влияние» во всех городах Европы XI–XII вв. «было нулевым». Но этому столь категоричному суждению предшествовала его полемика с учеными-романистами, в ходе которой классик анархизма отрицал только «чисто римское происхождение» городских коммун [1, р. 203]. Когда на одной и той же странице соседствуют два разных мнения, последовательной такую позицию не назовешь. В более позднем произведении Кро-

поткина мы сталкиваемся с той же ситуацией. В одном месте он настаивает на том, что и сельские общины, и «свободные клятвенные братства», которые он наблюдал и в городах, «во все время своего существования» развивались вне всякого влияния со стороны Рима [14, с. 157, 158], а страницей ниже признает: «Рим погиб, но его предания оживают» [14, с. 159]. Как видно, чувство исторического реализма не всегда покидало князя-анархиста, но от этого его концепция не становится менее противоречивой.

С очередным проявлением такой особенности творчества П.А. Кропоткина встречаемся тогда, когда он, такой стойкий локалист, с восхищением постулирует «почти буквальное сходство этих хартий и республик». Причем городские сообщества средневековой Европы смогли достичь «однобразия учреждений» путем заключения «общественных договоров», не создавая однотипных законов [14, с. 163]. О каком буквальном сходстве городских хартий может идти речь, если в одной только средневековой Германии специалистами выделяется «шесть семей» городского права. Среди них фигурируют: «фризская, саксонская, франконская, тюрингская, швабская и баварская» [18, с. 18; 19, с. 27]. Мало того, в ст. 37 хартии германского города Гослара «императорским предписанием» запрещалось создание в этом городе любых клятвенных союзов или объединений, «кроме сообщества монетчиков». Самим фактом существования такая статья свидетельствует против тезиса о фактическом единообразии городских хартий. Но, похоже, Петр Алексеевич не заметил данного обстоятельства, как не увидел он в средневековых городах и мелочной регламентации жизни ремесленников.

Достаточно открыть «Книгу ремесел Парижа» Этьена Буало и найти там статут XI, чтобы убедиться в том, что даже такие высокочтимые ремесленники, как ювелиры, были вынуждены считаться с массой ограничений своей деятельности. Так, ст. 6 статута содержит запрет на ночные работы, а ст. 5 гласит: «Никто из парижских ювелиров не может иметь родного или постороннего ученика меньше, чем на 10 лет, если только ученик не обучен так, что он может зарабатывать в год 100 су и на свое питье и еду». Были предусмотрены и иные ограничения [20, р. 32–33], адресованные не

1 «Установления Правосудия» // Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / под ред. В.М. Корецкого. М.: Госюриздат, 1961. С. 563.

только ювелирам, но и другим ремесленникам. По всей видимости, городская свобода в средневековых городах была ограничена достаточно жесткими пределами, среди которых немалая роль принадлежала внутрисословным нормам-запретам. Не принимая их во внимание, П.А. Кропоткин сконцентрировался на противостоянии горожан другим сословиям, на межсословных барьерах.

Столь же далека от реальности и картина межгородских отношений, написанная Кропоткиным без опоры на какие-либо источники. Как полагал князь-анархист, где бы ни возникали города, по всей Европе вне зависимости от их величины, людских и прочих ресурсов, во взаимоотношениях между ними царили гармония и равноправие. В качестве примеров городов, прославленных в веках былыми вольностями, он приводит Новгород и Псков. Был ли Псков когда-либо пригородом Новгорода, починялся ли когда-то первый второму – такие вопросы совсем не занимали воображения отечественного анархиста. Между тем в Лаврентьевской летописи под 1176 г. сообщается: «Новгородци бо изначала, и Смолняне, и Кыяне, [и Полочане], и вся власти якоже на: на думу на вѣча сходятся, на что же старѣишии сдумаютъ, на томъ же пригороди стануть»². Отсутствие в этом перечне жителей Пскова объясняется довольно просто. Дело в том, что этот город довольно долго являлся пригородом своего «старшего брата». Выходит, отношения между данными городами далеко не всегда были равноправными. Без правового эгалитаризма порой коммуницировали между собой и такие североитальянские города, как Ивреа и Верчелли. Причем «жителям Ивреи каждые десять лет приходилось подтверждать свою клятву верности Верчелли в отношении двух крепостей, которые были вассалами этого государства» [21, р. 215]. Подвластные города некогда были и у Флоренции [22, р. 479].

Еще один проблемный вопрос, не нашедший адекватного разрешения в работах П.А. Кропоткина, – об исторической протяженности процесса образования городов-коммун. На примере того же Новгорода одни

отечественные исследователи не раз подчеркивали историческую длительность этого процесса, другие же, подобно П.А. Кропоткину, отождествляли его с революцией [23, с. 21]. Детальный анализ приобретения Новгородом «вольности в князьях» был осуществлен в свое время крупнейшим специалистом в области новгородской истории В.Л. Яниным. С его точки зрения, «начало формирования органов республиканского управления Новгорода датируется временем княжения Мстислава Владимировича, а окончательное их сложение происходит долгое время спустя после восстания 1136 г.» [24, с. 106]. К сходным выводам приходят медиевисты на примере итальянских коммун. Так, Хаген Келлер датирует появление коммун в большинстве городов Верхней и Центральной Италии примерно 1100 годом. При этом он подчеркивает длительность и постепенность процесса формирования здесь коммунального устройства [25, с. 169]. Джино Луцатти, опубликовавший свою книгу в нашей стране еще в советское время, относил начало этого процесса к IX в., а его завершение привязывал к XII–XIII вв. [26, с. 236–237]. Иную датировку окончательного перехода «от *civitas* к коммуне» приводил Филип Джонс. По его наблюдениям, заключительная фаза этой трансформации пришлась на время «императорско-папской схизмы», то есть «с 1075 по 1122 годы» [17, р. 134].

Мысль о том, что каждая коммуна – продукт постепенного, долговременного процесса, разделяет и Эдвард Коулман. Но состояние источников таково, что попытки установить точную дату ее возникновения в том или ином городе ему «кажутся довольно бесполезным занятием». Сказанное не помешало доценту Дублинского университета увязать этот процесс с появлением в городах Северной Италии Palazzo Comunale – «постоянных мест пребывания гражданского правительства», а их возникновение датировать периодом, который наступает только после 1183 г. Ведь именно тогда «император фактически гарантировал коммунам конституционное признание в соответствии с условиями Констанцкого мира». Принимать или же отвергать такую датировку образования итальянских коммун – дело каждого отдельного исследователя. Вот только мало кто из современных медиевистов стал бы настаивать на том, что у коммун, возник-

² Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссии. Т. I. Лаврентьевская и Троицкая летописи. СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1846. С. 160.

ших в XII в., не было никаких предшественников, что они появились практически из ниоткуда, будучи «творением эпохи Возрождения XII века». Напротив, по наблюдениям того же Эдварда Коулмана, наиболее авторитетные исследователи солидарны в том, что своими истоками коммуны восходят к «*civitas* XI века» [27, р. 380, 381, 395, 396].

Такая позиция резко противоречит взглядам П.А. Кропоткина, который настаивал на том, что практически все европейские коммуны, быть может, за исключением итальянских, возникших, по его мнению, еще в X в., появились как всенепременный, обязательный атрибут одной из исторических эпох, пришедшей как раз на XII столетие. Похоже, что эта мысль казалась явным упрощением и самому русскому анархисту. Поэтому в поисках другого, более приемлемого решения рассматриваемой проблемы ему пришлось прибегнуть к услугам теории общественного договора. Признав заслуги этой теории в борьбе с королевской властью, Петр Алексеевич заключает: «В настоящее время она должна быть признана ошибочной и отвергнута». Но когда ему потребовалось назвать причину возникновения городских республик, он не нашел другого концепта, кроме уже упомянутых «общественных договоров» [14, с. 150, 163].

Примерно так же Кропоткин решал проблему происхождения такого источника права, как закон. Закон, по его мнению, «в своих истоках происходил из народного договора». В поисках исторического подтверждения своего решения этой проблемы он обращается к феномену Майских или Мартовских полей, во время проведения которых «собирался весь народ и постановлял основы народного договора» [1, р. 229]. Роль народных масс на указанных воинских сходах, как и специфика процесса народного правотворчества, открывают широкий простор для более или менее убедительных гипотез. Здесь много темного, неясного. Ясно другое: уже при Хлодвиге эта роль вряд ли была настолько высока, чтобы диктовать королю франков и его окружению свои условия. Напротив, вооруженные франки, по словам Григория Турского, заявили Хлодвигу: «Славный король! Все, что мы здесь видим, – твое, и сами мы в твоей власти. Делай теперь все, что тебе угодно. Ведь никто не смеет противиться тебе!». Лишь один из них воспротивил-

ся королевской воле, настаивая на соблюдении древних обычаев. За что как раз на Мартовском поле ревнитель стародавних обычаев и поплатился собственной жизнью [8, с. 48].

Много неясностей остается и при решении проблемы возникновения средневековых городских республик. Но что хорошо известно, так это иллюзорный характер теории общественного договора. На примере образования Венецианской республики нам уже приходилось писать о том, что данная теория «не находит своего фактического подтверждения на венецианском материале» [28, с. 74]. Приложима ли данная теория по отношению к другим городским республикам Европы – вопрос, заслуживающий дополнительных исследований. Решая его, нельзя не считаться с уже наличествующими в науке оценками все той же теории, имеющими междисциплинарное значение. Вот что писал о ней американский археолог и антрополог Роберт Карнейро: «Теперь мы знаем, что ни одно человеческое сообщество никогда не подписывало подобного договора, и теория общественного договора сегодня является не более чем историческим курьезом» [29, р. 733]. Еще более весомо мнение Элмана Роджерса Сервиса, высказанное им в ходе рассмотрения творчества Г.С. Мэна. Профессор Калифорнийского университета, высоко оценив успешную реализацию Мэном индуктивного (сравнительно-исторического) метода – напомним, что индуктивный метод особо почитался и П.А. Кропоткиным – полагал, что именно этот метод «побудил его (Г.С. Мэна – А. Т.) с презрением отнестись к пустому теоретизированию философов школы общественного договора» [30, р. 187].

Без ложного пиетета творчество представителей данной школы воспринимал и князь-анархист. Он отрицал договорное происхождение первобытных сообществ, их якобы первозданную индивидуализацию. Если у Джона Локка в качестве наиболее явного примера договорного происхождения государства фигурировала изначальная Венеция, то у П.А. Кропоткина все без исключения городские коммуны на раннем этапе их развития выглядели антиподами только что возникающих средневековых государств. Известно, что Локк загодя готов был обвинить каждого своего идейного противни-

ка в том, что «тот должен обладать странной склонностью к отрицанию очевидных фактов» [31, с. 320]. Свой контраргумент был припасен на этот случай и отечественным анархистом. По поводу и без повода он уличал в очередном искажении истории не только явных и скрытых врагов анархизма, но и целые науки [2, р. 35]. Проблема состоит в том, что Локк, его единомышленники и оппонировавший им П.А. Кропоткин в данном вопросе полагались вовсе не на факты. Все они больше уповали на аксиоматико-дедуктивный метод, намечая общие контуры отдельных нефактических моделей. По этому же пути пошел Петр Алексеевич, когда, говоря о поздних коммунах, приписывал им желание стать государствами и когда схематично излагал свои мысли о трехстадийной эволюции любой страновой цивилизации, начиная с Древнего Египта, и о деспотическом транзите в Западную Европу.

Любое государство в этой эскизно выполненной модели выглядит чуждой, разрушительной по отношению к обществу силой, несущей в себе гибель всякой цивилизации, будь то Египет, Ассирия, Вавилон, Древняя Греция или же средневековая Европа. Конечной, гибельной стадии князь-анархист предпосылает фазу вольных городов и фазу племени. Особенно не повезло государствам Востока: их деспотизм – такой же обязательный атрибут заключительной стадии восточного цикла, как и городская свобода фазы второй. Каким же образом вольные города перерастают в государства деспотические, а те, погибая вместе с разрушающимся обществом, становятся добычей империй? На этот вопрос классик анархизма ответа не давал. Для него без каких-либо оснований было гораздо важнее объявить Восток обителью вековечного деспотизма и столь же бездоказательно обвинить деспотизм восточного образца в разрушении всех городских цивилизаций древности, включая Грецию и Рим. Затем деспотизм обнаруживает себя в империи ромеев и поражает ее, словно пробудившийся архаичный вирус. И уже Византия, по Кропоткину, становится своеобразным ретранслятором и деспотизма, и законодательства, пропитанных во все времена насилием, транслируя их в «средневековые, только что возникавшие средне-европейские государства» [32, с. 59].

Якобы только благодаря стойкости общинных порядков средневековая Европа была спасена от гибельной участи. Увлечшись феноменом византийского деспотизма, классик анархизма упустил из виду позитивные аспекты государственной жизни Второго Рима. Так, из трудов современных византинистов мы теперь знаем о необычайно активной социальной политике, периодически обнаруживающей себя в этом государстве [33, р. 149–288], и об основах столь же необычной для государств-империй долговечности [34, р. 61–80]. Эти и многие другие достижения материнского для нашей страны государства-цивилизации были оставлены им без внимания.

Надуманый, иллюзорный характер умозрительных построений, созданных князем-анархистом, очевиден. Он руководствовался собственной логикой, когда пытался реализовать набор разнородных идей: априоризм, европоцентризм, диффузионизм, циклизм и даже катастрофизм, – облекая их в форму только что рассмотренных постулатов. Такой подход позволял П.А. Кропоткину оставлять за пределами сколько-нибудь подробного рассмотрения многие вопросы, в том числе и типологию общин, как сельских, так и городских.

Вновь возвращаясь к средневековой Европе, подчеркнем, что, живописуя преимущества образа жизни средневековых горожан, П.А. Кропоткин упустил из виду многие негативные процессы и явления, свойственные тогдашней городской жизни. Так, словно дамоклов меч, над головами всех европейцев нависала угроза массового голода и столь же массовых эпидемий, результатом которых стала крайне низкая продолжительность жизни, зачастую не превышавшая и 30 лет [35, р. 239]. Особенно уязвимым в этом плане оказалось население средневековых городов, довольно скученно проживавшее на их территории. Кроме того, любой горожанин легко мог стать жертвой внутригородских конфликтов, собиравших на городской территории столь же богатую жатву, как и в ходе вооруженной борьбы с врагами-сеньорами за ее пределы. Насилие широкими потоками изливалось на улицы и площади, бесконечные драки сопровождалась конфликтами патрицианских кланов, борьбой ремесленных цехов с патрициатом, мастеров с подмастерьями и т. п. Так, жители Парижа еще в 1395 г. опа-

сались покидать свои дома в темное время суток из-за угрозы нападения на них «лиц низкого происхождения» [36, р. 112]. Страдали от насилия и представители низших слоев городского населения, зачастую лишённые клановой и корпоративной защиты. Незавидной была участь не только многочисленных городских поденщиков и нищих, но и членов цехов, скованных по рукам и ногам мелочной регламентацией их жизни.

Процессы социально-экономической дифференциации, социальной стратификации в городской среде, формы эксплуатации городских низов и даже крестьянских общин городскими верхами важны сами по себе. Не менее важен и другой аспект проблемы: все они протекали в рамках особого общественного строя. И таковым для европейского Средневековья выступал, как известно, феодализм. Хотя именно в городах появились зачатки нового государственного строя, пришедшего на смену средневековой государственности, но в тех же городах верхушка охотно выкупала дворянские гербы и должности государственных чиновников, пополняя ряды дворянского сословия. Феодализацию и рефеодализацию средневековых европейских городов постигла та же участь, что и живейшее их участие в централизации европейских государств. Все это было оставлено П.А. Кропоткиным без внимания. Не заметил он и общности интересов между королевской властью и горожанами – во Франции, княжеской властью и горожанами – в Германии. В противном случае ему, подобно современным отечественным медиевистам, пришлось бы говорить о том, что все указанные акторы были заинтересованы в преодолении феодальной анархии и политическом объединении вокруг страновых (региональных) центров и в других европейских державах. Так, помимо Франции, значительные успехи, достигнутые в этом деле, отмечались Н.А. Хачатурян, одним из лидеров отечественной медиевистики, в Англии, Испании и Швеции. При этом королевской власти, заключившей своего рода «союз» с городами, приходилось мириться, по ее словам, «с разной долей городской автономии» [37, с. 336].

Впрочем, задолго до Н.А. Хачатурян на разную «степень политической самостоятельности, достигнутую городами в Европе», указывал еще А.К. Дживелегов, использовавший ее

в качестве критерия для своей классификации. В ней нашлось место не только для городов-государств Италии, поделивших между собой северную и отчасти центральную части территории этой страны, но и для сеньориальных городов Франции и Германии. Немецкие города эпохи их возникновения были разделены им на «королевские, или имперские, княжеские и епископские». Во Франции, наряду с городами-коммунами, он выделял «города буржуазии» и «новые города». Повсюду избранный им критерий, как подчеркивалось самим ученым, состоял «в обратной зависимости от того, насколько страна успела выработать сильную государственную власть» [38, с. 38, 39, 48, 49–51, 52].

Для прояснения общей позиции П.А. Кропоткина по заявленной теме нашей статьи, а также трактовок им степени воздействия римского права на процесс политико-правовой эволюции средневековой Европы необходимо соотнести ее с данными современных исследований.

Вопрос о степени такого воздействия многократно обсуждался в отечественной и зарубежной историографии. Масштабная попытка разрешить эту проблему в свое время была предпринята Гейнсом Постом. На первый взгляд, в воззрениях Кропоткина и Поста на данный процесс много общего: и тот и другой уделяли определенное внимание римскому праву, и тот и другой одинаково восторженно характеризовали эпоху зрелого Средневековья. Наконец, оба продвигали идею о позднем появлении собственно государственных образований в Западной Европе, пришедших на смену более ранним политическим структурам – германским королевствам. Но при более внимательном прочтении трудов Поста обнаруживаются глубочайшие различия в позициях, занимаемых упомянутыми авторами по самым принципиальным вопросам. Они настолько велики, что можно говорить о своего рода «переполюсовке», обнаруживающей себя в творчестве Гейнса Поста. Уже во введении к сборнику собственных эссе он дает понять, что не испытывает восторгов по поводу анархии, царившей в феодальном обществе, а едва возникшее государство вкупе с римским правом, при помощи которого удалось покончить с феодальным хаосом, избавлено от столь негативных оценок, которые привычно дают-

ся им анархистами. Более того, государство, то самое государство, которое и П.А. Кропоткинским рассматривалось как вселенское зло, возникшее в Европе в результате военных действий только в XVI в., под пером Гейнса Поста предстает в качестве «произведения искусства». Он был убежден, что «задолго до итальянского Возрождения концепция и определенная практика "Государства как произведения искусства" проявили себя во время великого средневекового возрождения двенадцатого и тринадцатого веков». По его собственным словам, «возрождение римского права было лишь частью условий, благоприятствовавших развитию суверенных государств» [39, р. 4, 570, 563].

К XII столетию относит появление крупнейших европейских инноваций, надолго определивших цивилизационный облик всего Запада, и видный отечественный медиевист П.Ю. Уваров. Наряду с городами, университетами, парламентами, светским бюрократическим аппаратом в этот перечень он включает и римское право. Можно спорить по поводу смещения акцентов при характеристике римского права с «возрождения», как у Поста, на «изобретение». Такое переакцентирование дает повод думать, что это право, как и все вышперечисленные институты, появилось одновременно с ними [40, с. 57]. Но вряд ли стоит оспаривать датировку П.Ю. Уваровым начала «кристаллизации» цивилизационных параметров латинского Запада.

Без ложного пафоса и возвышенных определений рассматривал политико-правовые реалии европейского Средневековья Джозеф Стрейер – профессор Принстонского университета, в котором завершил свою академическую карьеру и Гейнс Пост. Д. Стрейер не обошел вниманием и правовой аспект проблемы, осветив его в контексте соотношения римского права с правом обычным. В условиях повсеместного господства обычного права, особенно характерного для стран, расположенных к северу от Альп, римское право никоим образом не могло претендовать на первостепенную роль. По Д. Стрейеру, его значение в политико-правовой жизни тогдашней Европы было довольно ограниченным, потому что, оставаясь объектом теоретических дискуссий, римское право редко покидало пределы университетских аудиторий. Но даже в этом сугубо

академическом качестве оно содержало в себе ряд лексических единиц, при помощи которых европейцам удалось сформировать целый ряд новых правовых институтов, составивших правовую основу государственного строительства. Признав определенное значение римских параллелей, к которым прибегали администраторы и судьи, пытаясь прояснить свои смутные представления о государстве, Д. Стрейер не склонен был преувеличивать ни роль этих параллелей, ни римского права в целом в процессе образования европейских государств. С подчеркнутым вниманием он настаивал на том, что, «хотя возрождение римского права облегчило и, возможно, ускорило процесс государственного строительства, оно, конечно, не было основной причиной и, вероятно, даже не было необходимым условием» [41, р. 26].

Обратившись к хронологии данного процесса, Д. Стрейер отводит под него довольно длительный исторический период – с 1100 по 1600 г. Заметив, что на поиск истоков современного государства отводится столь широкая хронологическая полоса, в которой, наряду со средневековыми государствами, оказались и государства раннего модерна, он решился уточнить хронологические рамки процесса образования собственно средневековых государств, ограничив его рубежами XI–XIII столетий. Именно этот отрезок времени определяется им как «первый этап государственного строительства». По всей вероятности, Д. Стрейер отдавал себе отчет в том, что на этом этапе европейцы не знали ни гипертрофированного индивидуализма, ни светской культуры, ни масштабного преклонения перед всей Античностью, не замыкаясь на одном лишь римском праве. В стадильной концепции Д. Стрейера не нашлось места для «великого возрождения» Г. Поста, зато в ней обнаруживает себя тот самый эталон, на основе которого и возникла новая европейская модель – модель современного государства, ставшая, в свою очередь, образцом для подражания для многих неевропейских стран, как оказавшихся в колониальной зависимости, так и стремившихся избежать ее [41, р. 77, 12].

Важнейшим аспектом этой модели, доступным сегодня самой широкой общественности благодаря шумной пропаганде идей прав человека и правового государства, разделения

властей, стал правовой аспект. Возведенные на высоту конституционного строя, эти идеи остаются предметом особой гордости европейцев, и в этом качестве они немало способствовали широкой популярности европейской модели государства не только среди колониальных, но и постсоветских стран. Неудивительно, что Г. Пост, Д. Стрейер, П.А. Кропоткин уделили так много внимания именно правовому аспекту этой модели, концентрируясь на исследовании ее исторических корней.

Если Д. Стрейер позволял себе только отдельные выходы в новейшую историю, крайне лапидарно и комплиментарно останавливаясь на правовых предпочтениях современных европейцев, то добрую половину главы «Закон и власть», вошедшую в «Речи бунтовщика», П.А. Кропоткин посвятил критическому рассмотрению современного ему государственно-правового строя. Иного, кроме как лишенного какой-либо комплиментарности, отношения к правовым институтам и отраслям права той эпохи, будь то право гражданское, уголовное или же конституционное, от революционного мыслителя ожидать не приходится. В этой публикации П.А. Кропоткин настойчиво продвигал мысль о том, что самой достойной альтернативой всему буржуазному, в том числе праву и основанному на нем правопорядку, выступают обычное право и базирующийся на нем правопорядок первобытного и постпервобытного обществ. Именно этой мыслью им открывается уже упомянутая глава рассматриваемого произведения: «Строго говоря, законодательство – это продукт современности. Веками человечество жило без какого-либо писаного закона, даже того, который был выгравирован символами на камнях над входом в храм. В тот период человеческие отношения просто регулировались обычаями, привычками и обыкновениями, которые были освящены постоянным повторением и усвоены каждым человеком в детстве, точно так же, как он учился добывать пищу охотой, скотоводством или сельским хозяйством» [1, р. 221].

Сколько бы ни восторгался князь-анархист первобытным и постпервобытным образом жизни, дальнейшая эволюция человечества, за некоторыми отступлениями от общей ее направленности, происходила в рамках жизни государственной. Так, если в эпоху

неолита, как полагал Роберт Карнейро, существовали сотни тысяч автономных политических сообществ, то к 80-м годам прошлого столетия их численность сократилась до 150 [42, р. 205]. Иные цифровые показатели приводит в своем учебнике старейший государствовед нашей страны. По его подсчетам, ныне существует не 150, а более 200 государств [43, с. 17]. Как бы то ни было, другой альтернативы людским коллективам, оказавшимся в границах того или иного европейского государства, кроме как адаптации к новым историческим условиям, не существовало. Конечно же, из этого общего правила могли быть исключения, но только не на территории средневековой Западной Европы. Здесь те или иные тенденции к архаизации политико-правовой жизни, возвратные к первобытности процессы были довольно быстро преодолены, и начиная с эпохи зрелого Средневековья в этом регионе сформировалась особая политическая и правовая культура, содержащая прообразы конституционализма и, соответственно, конституционного государства.

Европейская культура смогла выработать идею связанности королевской власти законами той или иной страны. Об этом писал, например, Ч.Г. Макилвэйн. Поясняя эту мысль, он в частности, отмечал: «В Англии, например, эта "связанность" в конечном счете была вызвана требованием о том, что все "статуты" должны приниматься королем в сотрудничестве с лордами и палатой общин. Во Франции у нас есть... отказ парламента Франции и других парламентов королевства регистрировать ордонансы короля» [44, р. 355, 366]. Задолго до гарвардского профессора та же идея – идея связанности королевской власти в Англии законами – была высказана Джоном Фортестью – юристом XV в. Он был убежден, что природа власти короля в его стране обладает особым характером и потому правитель «не может вносить какие-либо изменения в законы королевства без согласия подданных, ни обременять их, против их воли, странными предписаниями» [45, р. 26]. По поводу пределов деятельности коронованных европейских властителей можно долго спорить, бесспорно другое – сам факт существования такой идеи в общественном сознании стран этого континента свидетельствует против упрощенной трактовки взаимодействия между государ-

ством и законодательством. Не стоит вслед за П.А. Кропоткиным сводить его к одному лишь каузативному аспекту.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Творчество П.А. Кропоткина отличает ярко выраженное стремление освободить научное мышление не только от религиозных догм, но и от фундаментальных положений, сформированных усилиями нескольких поколений зарубежных и отечественных историков. Но главная цель классика анархизма состояла не в том, чтобы дискредитировать антиковедение, медиэвистику или другие общественные науки, а продемонстрировать осуществимость анархистских идеалов на примере средневековых политико-правовых структур. Уделив особое внимание сельским и городским общинам, обычному и договорному праву – продуктам народных масс, их самоорганизации и саморегуляции, князь-анархист противопоставлял народные творения государству и официальному законодательству, в том числе современному, пытался доказать превосходство первых над вторыми.

Сильной стороной творчества П.А. Кропоткина стало настойчивое желание взглянуть на политико-правовой мир средневековой Европы как бы «снизу», глазами простолюдинов, подчеркивая их тягу к самоорганизации и самоорганизации, акцентируя фрагментированность тогдашнего общества. Споры нет, констатация раздробленного состояния любой европейской страны эпохи раннего Средневековья и господства обычного права в эту эпоху давно уже стала общим местом в медиэвистике. Другое дело, когда данные реалии оказываются в роли таких могущественных величин, которые способны совершенно исключить из политико-правовой жизни средневековой Европы и государство в любой его форме, и законодательство. Хотя подобные представления не получили всеобщего научного признания по причине отсутствия у них должной эмпирической базы, они не представляют собой совокупности давно разоблаченных тезисов, требующих уничтожительного изложения. Скорее они представляют собой серию идей, которые, сохраняя дискуссионную форму, до сих пор вынуждают

рассматривать и пересматривать многие вопросы, связанные с государственно-правовой эволюцией средневековой Европы.

Важнейшая особенность доктрины П.А. Кропоткина заключается в том, что она представляет собой целую серию далеко не всегда последовательных теоретических построений. Им были сконструированы тематические комплексы на основе дедуктивных обобщений проблемных областей, которые он формирует, используя вместо индуктивного аксиоматико-дедуктивный метод. Разумеется, его стремление поднять авторитет анархизма как симбиотической доктрины имеет и слабые стороны. Демонстративный отказ от изучения если не всех, то очень многих исторических источников способствовал формированию такой картины государственно-правового развития средневековой Европы, которая перегружена противоречиями, пробелами и предвзятыми схемами. Поэтому подмеченные князем-анархистом такие тенденции политико-правовой эволюции, как альтернативность и дискретность, не получили должного обоснования в его трудах и выглядят концептуальными положениями сугубо умозрительного свойства.

Выявлены и другие изъяны русского классического анархизма, изученного на основе отдельных работ П.А. Кропоткина: априоризм, антиэтатизм и антилегизм, идеализация «общинного быта» и обычного права, избыточный критицизм по отношению к средневековым и постсредневековым государственно-правовым структурам. Сюда мы должны отнести и словесный радикализм, увлечение революционными лозунгами, присущими скорее публицистике, нежели научной классике. От призывов «восстать против всех законов» [1, р. 220], как легко можно догадаться, избавлены труды отечественных и зарубежных медиэвистов. Благодаря им былое презрение ко всем государственно-правовым структурам, некогда существовавшим в истории средневековой Европы, постепенно уходит в прошлое. Внимательное их прочтение позволяет по достоинству оценить исторические корни европейской модели государства, избавиться от упрощенных трактовок средневекового государства, его законодательства и одномерных версий взаимоотношений между ними.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Kropotkin P. Paroles d'un révolté / P. Kropotkin. – Paris : C. Marpon et E. Flammarion, 1885. – 342 p. [Электронный ресурс]. – URL: <https://archive.org/details/parolesdunrvol00krop> (дата обращения: 03.10.2024).
2. Kropotkin P. The State: Its Historic Role / P. Kropotkin. – London : The Anarchist Library, 1896 [Электронный ресурс]. – URL: https://archive.org/details/al_Petr_Kropotkin_The_State_Its_Historic_Role_a4 (дата обращения: 29.10.2024).
3. Costa J. La Vida del Derecho / J. Costa. – Madrid : Aribau y Ca., 1876. – 240 p. [Электронный ресурс]. – URL: <https://ia801208.us.archive.org/33/items/BRes091601/BRes091601.pdf> (дата обращения: 14.09.2024).
4. Кропоткин П.А. Речи бунтовщика / П.А. Кропоткин. – Петербург ; Москва : Голос труда, 1921. – 349 с.
5. Кропоткин П.А. Хлеб и воля / П.А. Кропоткин. – Лондон : Издание Группы русских коммунистов-анархистов, 1902. – 295 с.
6. Ру Симона. Повседневная жизнь Парижа в Средние века / Симона Ру. – Москва : Молодая гвардия, 2008. – 251 с.
7. Sidonius Apollinaris. Ad V. C. Catullinum / Sidonius Apollinaris // Gai Sollii Apollinaris Sidonii Epistulae et carmina. – Berolini, 1887. – P. 230–231 [Электронный ресурс]. – URL: <https://archive.org/details/gaisoliapollin00ltgoog> (дата обращения: 08.10.2024).
8. Григорий Турский. История франков / Григорий Турский. – Москва : Наука, 1987. – 461 с.
9. Эйнхард. Жизнь Карла Великого / Эйнхард. – Москва : Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. – 300 с.
10. Burke P. The fabrication of Louis XIV / P. Burke. – New Haven ; London : Yale University Press, 1994. – 242 p. [Электронный ресурс]. – URL: <https://archive.org/details/the-fabrication-of-louis-xiv-peter-burke/page/n1/mode/2up> (дата обращения: 09.11.2024).
11. Кропоткин П.А. Государство и его роль в истории / П.А. Кропоткин. – Женева : Издание группы Хлеб и Воля, 1904. – 75 с.
12. Sidonius Syagrius suo salutem // Giulia Marolla. Sidonius. Letters Book 5, pt. 1. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2023 [Электронный ресурс]. – URL: <https://dokumen.pub/qdownload/sidonius-letters-book-5-part-1-text-translation-and-commentary-9781399510790.html> (дата обращения: 08.10.2024).
13. Otto III. Gerd Althoff / Otto III. – Pennsylvania State University, 2003. – 215 p. [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.z-library.sk/book/879520/46b59b/otto-iii.html> (дата обращения: 04.12.2024).
14. Кропоткин П.А. Современная наука и анархия / П.А. Кропоткин. – Петербург ; Москва : Голос труда, 1920. – 316 с.
15. Rerum Germanicarum. – Hannoverae et Lipsiae : Impensis Bibliopoli Hahniani, 1912. [Электронный ресурс]. – URL: <https://archive.org/details/ottonisetrahewin46otto> (дата обращения: 03.11.2024).
16. Бонаккорсо П. Хроника / П. Бонаккорсо. – Ленинград : Наука, 1972. – 248 с.
17. Jones P. The Italian City-State: From Commune to Signoria / P. Jones. – Oxford : Clarendon Press, 1997. – 712 p. [Электронный ресурс]. – URL: <https://m.eruditor.one/file/3556950/> (дата обращения: 23.11.2024).
18. Рогачевский А.Л. Меч Роланда: Правовые взгляды немецких горожан XIII–XVII вв. / А.Л. Рогачевский. – Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1996. – 153 с.
19. Келлер О.Б. Из истории городского права, правовых семей, сборников средневековой Германии / О.Б. Келлер // Известия Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. – 2015. – № 1 (18). – С. 24–30.

REFERENCES

1. Kropotkin P. Paroles d'un Révolté. Paris, C. Marpon et E. Flammarion Publ., 1885. 342 p. Available at: URL: <https://archive.org/details/parolesdunrvol00krop>.
2. Kropotkin P. The State: Its Historic Role. London, The Anarchist Library, 1896. Available at: https://archive.org/details/al_Petr_Kropotkin_The_State_Its_Historic_Role_a4.
3. Joaquin Costa. La Vida del Derecho. Madrid, Aribau y Ca. Publ., 1876. 240 p. Available at: <https://ia801208.us.archive.org/33/items/BRes091601/BRes091601.pdf>.
4. Kropotkin P.A. Speeches of a Rebel. Petersburg, Moscow, Golos truda Publ., 1921. 349 p.
5. Kropotkin P.A. Bread and Freedom. London, Grupa russkih kommunistov-anarhistov Publ., 1902. 295 p.
6. Roux S. Everyday Life in Paris in the Middle Ages. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2008. 251 p.
7. Sidonius Apollinaris. Ad V. C. Catullinum. *Gai Sollii Apollinaris Sidonii Epistulae et carmina*. Berolini, 1887, pp. 230–231. Available at: <https://archive.org/details/gaisoliapollin00ltgoog>.
8. Gregory of Tours. History of the Franks. Moscow, Nauka Publ., 1987. 461 p.
9. Einhard. Life of Charlemagne. Institute of Philosophy, Theology and History of St. Thomas Publ., 2005. 300 p.
10. Burke P. The Fabrication of Louis XIV. New Haven, London, Yale University Press Publ., 1994. 242 p. Available at: <https://archive.org/details/the-fabrication-of-louis-xiv-peter-burke/page/n1/mode/2up>.
11. Kropotkin P.A. The State and its Role in History. Geneva, Hleb i Volya Publ., 1904. 75 p.
12. Sidonius Syagrius suo salutem. *Giulia Marolla. Sidonius*. Edinburgh University Press Publ., 2023. Vol. 5, pt. 1. Available at: <https://dokumen.pub/qdownload/sidonius-letters-book-5-part-1-text-translation-and-commentary-9781399510790.html>.
13. Otto III. Gerd Althoff. Pennsylvania State University Publ., 2003. 215 p. Available at: <https://ru.z-library.sk/book/879520/46b59b/otto-iii.html>.
14. Kropotkin P.A. Modern Science and Anarchy. Petersburg, Moscow, Golos truda Publ., 1920. 316 p.
15. Rerum Germanicarum. Hannoverae et Lipsiae, Impensis Bibliopoli Hahniani Publ., 1912. Available at: <https://archive.org/details/ottonisetrahewin46otto>.
16. Bonaccorso P. Chronicle. Leningrad, Nauka Publ., 1972. 248 p.
17. Jones P. The Italian City-State: From Commune to Signoria. Oxford, Clarendon Press Publ., 1997. 712 p. Available at: <https://m.eruditor.one/file/3556950/>.
18. Rogachevsky A.L. The Sword of Roland: Legal Views of German Townspeople in the 13th–17th Centuries. Saint Petersburg University Publ., 1996. 153 p.
19. Keller O.B. From the History of Urban Law, Legal Families, and Collections of Medieval Germany. *Izvestiya Gomel'skogo gosudarstvennogo universiteta im. F. Skoriny = Bulletin of the F. Skoryna Gomel State University*, 2015, no. 1 (18), pp. 24–30. (In Russian).
20. Les Métiers et Corporations de la Ville de Paris. XIIIe siècle. Le Livre des Métiers d'Étienne Boileau. Paris, Imprimerie nationale Publ., 1879. 420 p. Available at: https://vk.com/doc21324181_463479754?hash=Zz1Qjbl39qE3zY0uKuIHVzvhwZyVMJpzURzirKmjxKg.

20. Les métiers et corporations de la ville de Paris. XIIIe siècle. Le livre des métiers d' Étienne Boileau / by Boileau Etienne. – Paris : Imprimerie nationale, 1879. – 420 p. [Электронный ресурс]. – URL: https://vk.com/doc21324181_463479754?hash=Zz1Qjbl39qE3zY0uKuIHVzvhwZyVMjzURzirKmJxKg (дата обращения: 15.10.2024).
21. Tabacco G. The struggle for power in medieval Italy. Structures of political rule / G. Tabacco. – Cambridge ; New York : Cambridge University Press, 2019. – 353 p. [Электронный ресурс]. – URL: <https://z-library.sk/book/28561903/a64ccc/the-struggle-for-power-in-medieval-italy-structures-of-political-rule.html> (дата обращения: 24.11.2024).
22. Green L. Florence and the republican tradition / L. Green // The New Cambridge Medieval History / ed. by M. Jones. Vol. VI. – Cambridge University Press, 2008. – P. 469–487 [Электронный ресурс]. – URL: <https://archive.org/details/the-new-cambridge-medieval-history-vol.-6> (дата обращения: 24.11.2024).
23. Греков Б.Д. Революция в Новгороде Великом в XII веке / Б.Д. Греков // Ученые записки Института истории РАН ИОН. – 1929. – Т. 4. – С. 13–21.
24. Янин В.Л. Новгородские посадники / В.Л. Янин. – 2-е изд., доп. и перераб. – Москва : Яск, 2003. – 511 с.
25. Hagen K. Die Entstehung der italienischen Stadtkommunen als Problem der Sozialgeschichte / K. Hagen // *Frumittelalterliche Studien*. – 1976. – Vol. 10, iss. 1. – S. 169–211. [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.articles.sk/book/80450965/a0461f/die-entstehung-der-italienischen-stadtkommunen-als-problem-der-sozialgeschichte.html> (дата обращения: 21.11.2024).
26. Луццато Д. Экономическая история Италии: Античность и средние века / Д. Луццато ; под ред. С.Д. Сказкина. – Москва : Изд-во иностр. лит., 1954. – 456 с.
27. Coleman E. The Italian communes. Recent work and current trends / E. Coleman / E. Coleman // *Journal of Medieval History*. – 1999. – Vol. 25, № 4. – P. 373–397 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.academia.edu/88393910/The_Italian_communes_Recent_work_and_current_trends (дата обращения: 25.11.2024).
28. Тимонин А.Н. К дискуссии о «договорном» происхождении венецианского государства / А.Н. Тимонин // *Правовое государство: теория и практика*. – 2015. – № 2 (40). – С. 72–76.
29. Carneiro R.L. A Theory of the Origin of the State / R.L. Carneiro // *Science*. – 1970. – Vol. 169, № 3947. – P. 733–738 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.sci-hub.ru/10.1126/science.169.3947.733> (дата обращения: 15.11.2024).
30. Elman R Service. A Century of Controversy. Ethnological Issues from 1860 to 1960 / Elman R Service, E.A. Hammel. – Orlando etc. : Academic Press, 1985. – 351 p. [Электронный ресурс]. – URL: <https://z-library.sk/book/2368047/ee2a42/a-century-of-controversy-ethnological-issues-from-1860-to-1960.html> (дата обращения: 15.11.2024).
31. Локк Дж. Два трактата о правлении / Локк Дж. // *Локк Дж. Сочинения* : в 3 т. Т. 3. – Москва : Мысль, 1988. – С. 135–407.
32. Кропоткин П.А. Современная наука и анархизм / П.А. Кропоткин. – Москва : И.Д. Иванов, 1906. – 91 с.
33. Constantelos D.J. Byzantine Philanthropy and Social Welfare / D.J. Constantelos. – New Brunswick, N. J. : Rutgers university press, 1968. – 356 p. [Электронный ресурс]. – URL: <https://z-library.sk/book/3416904/7f526e/byzantine-philanthropy-and-social-welfare.html> (дата обращения: 06.12.2024).
34. Runciman S. Byzantine Civilization / S. Runciman. – London : Methuen, 1966. – 320 p. [Электронный ресурс]. – URL: <https://z-library.sk/book/3254677/8c1ab0/byzantine-civilization.html> (дата обращения: 06.12.2024).
35. Le Goff J. Medieval Civilization 400–1500 / J. Le Goff. – Cambridge, Mass. : Blackwell, 1991. – 448 p. [Электронный ресурс]. – URL: <https://archive.org/details/medieval-civilization-400-1500/mode/2up> (дата обращения: 03.12.2024).
21. Tabacco G. The Struggle for Power in Medieval Italy. Structures of Political Rule. Cambridge University Press Publ., 2019. 353 p. Available at: <https://z-library.sk/book/28561903/a64ccc/the-struggle-for-power-in-medieval-italy-structures-of-political-rule.html>.
22. Green L. Florence and the Republican Tradition. In Jones M. (ed.). The New Cambridge Medieval History. Cambridge University Press Publ., 2008. Vol. VI, pp. 469–487. Available at: <https://archive.org/details/the-new-cambridge-medieval-history-vol.-6>.
23. Grekov B.D. Revolution in Novgorod the Great in the 12th Century. *Uchenye zapiski Instituta istorii RANION = Scientific Notes of the Institute of History RANION*, 1929, vol. 4, pp. 13–21. (In Russian).
24. Yanin V.L. Novgorod Mayors. 2nd ed. Moscow, Yask Publ., 2003. 511 p.
25. Hagen K. Die Entstehung der italienischen Stadtkommunen als Problem der Sozialgeschichte. *Frumittelalterliche Studien*, 1976, vol. 10, iss. 1, pp. 169–211. Available at: <https://ru.articles.sk/book/80450965/a0461f/die-entstehung-der-italienischen-stadtkommunen-als-problem-der-sozialgeschichte.html>.
26. Luzzatto D.; Skazkin S.D. (ed.). Economic History of Italy: Antiquity and the Middle Ages. Moscow, 1954. 456 p.
27. Coleman E. The Italian Communes. Recent Work and Current Trends. *Journal of Medieval History*, 1999, vol. 25, no. 4, pp. 373–397. Available at: https://www.academia.edu/88393910/The_Italian_communes_Recent_work_and_current_trends.
28. Timonin A.N. To the Discussion of the “Contract” Origin of the Venetian State. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2015, no. 2 (40), pp. 72–76. (In Russian).
29. Carneiro R.L. A Theory of the Origin of the State. *Science*, 1970, vol. 169, no. 3947, pp. 733–738. Available at: <https://www.sci-hub.ru/10.1126/science.169.3947.733>.
30. Elman R Service, Hammel E.A. A Century of Controversy. Ethnological Issues from 1860 to 1960. Orlando, Academic Press Publ., 1985. 351 p. Available at: <https://z-library.sk/book/2368047/ee2a42/a-century-of-controversy-ethnological-issues-from-1860-to-1960.html>.
31. Locke J. Two Treatises of Government. In Locke J. Works. Moscow, Mysl' Publ., 1988. Vol. 3, pp. 135–407. (In Russian).
32. Kropotkin P.A. Modern Science and Anarchism. Moscow, I.D. Ivanov Publ., 1906. 91 p.
33. Constantelos D.J. Byzantine Philanthropy and Social Welfare. New Brunswick, N. J., Rutgers University Press Publ., 1968. 356 p. Available at: <https://z-library.sk/book/3416904/7f526e/byzantine-philanthropy-and-social-welfare.html>.
34. Runciman S. Byzantine Civilization. London, Methuen Publ., 1966. 320 p. Available at: <https://z-library.sk/book/3254677/8c1ab0/byzantine-civilization.html>.
35. Le Goff J. Medieval Civilization 400–1500. Cambridge, 1991. 448 p. Available at: <https://archive.org/details/medieval-civilization-400-1500/mode/2up>.
36. Legay J.-P. Urban life. In Jones M. (ed.). The New Cambridge Medieval History. Cambridge University Press Publ., 2008. Vol. VI, pp. 102–123. Available at: <https://archive.org/details/the-new-cambridge-medieval-history-vol.-6>.

36. Legay J.-P. Urban life / J.-P. Legay // The New Cambridge Medieval History / ed. by M. Jones. Vol. VI. – Cambridge : Cambridge University Press, 2008. – P. 102–123. [Электронный ресурс]. – URL: <https://archive.org/details/the-new-cambridge-medieval-history-vol-6> (дата обращения: 24.11.2024).
37. Хачатурян Н.А. Средневековый город и государство / Н.А. Хачатурян // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 1. Феномен средневекового урбанизма / отв. ред. А.А. Сванидзе. – Москва : Наука, 1999. – С. 335–340.
38. Дживелегов А.К. Средневековые города в Западной Европе / А.К. Дживелегов. – Санкт-Петербург : Брокгауз-Ефрон, 1902. – 248 с.
39. Post G. Studies in Medieval Legal Thought. Public Law and the State 1100–1322 / G. Post. – Princeton University Press, 1964. – 633 p. [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.singlelogin.re/book/5261203/f8e7f9/studies-in-medieval-legal-thought-public-law-and-the-state-11001322.html> (дата обращения: 11.09.2024).
40. Уваров П.Ю. XII столетие и секрет средневекового Запада: обретение форм / П.Ю. Уваров // Средние века. – 2013. – Вып. 74. – С. 42–59.
41. Strayer J.R. On the Medieval Origins of the Modern State / J.R. Strayer. – Princeton University Press, 1970. – 114 p. [Электронный ресурс]. – URL: <https://people.bu.edu/chamley/HSFref/Strayer70.pdf> (дата обращения: 11.09.2024).
42. Robert L. Carneiro. Political Expansion as an Expression of the Principle of Competitive Exclusion // Origins of the State. The Anthropology of Political Evolution / ed. by R.C. and Elman R. Service. – Philadelphia : Institute for the Study of Human Issues, 1978. – P. 205–223 [Электронный ресурс]. – URL: <https://archive.org/details/ronald-cohen-elman-r.-service-origins-of-the-state-the-anthropology-of-political-evolution-1978> (дата обращения: 16.09.2024).
43. Чиркин В.Е. Сравнительное государственное устройство : учебное пособие / В.Е. Чиркин. – Москва : Норма-Инфра, 2011. – 448 с.
44. McIlwain Ch.H. The Growth of Political Thought in the West. From The Greeks to the End of the Middle Ages / Ch.H. McIlwain. – New York : The Macmillan Company, 1932. – 428 p. [Электронный ресурс]. – URL: <https://archive.org/details/dli.ernet.13556> (дата обращения: 08.12.2024).
45. Fortescue J. De Laudibus Legum Angliae: A Treatise in Commendation of the Laws of England / J. Fortescue. – Cincinnati : R. Clarke & Co., 1874. – 381 p. [Электронный ресурс]. – URL: <https://archive.org/details/delaudibuslegum00clergoog> (дата обращения: 08.12.2024).
37. Khachaturyan N.A. Medieval City and State. In Svanidze A.A. (ed.). City in the Medieval Civilization of Western Europe. Moscow, Nauka Publ., 1999. Vol. 1, pp. 335–340. (In Russian).
38. Dzhivelegov A.K. Medieval Cities in Western Europe. Saint Petersburg, Brockhaus-Efron Publ., 1902. 248 p.
39. Post G. Studies in Medieval Legal Thought. Public Law and the State 1100–1322. Princeton University Press Publ., 1964. 633 p. Available at: <https://ru.singlelogin.re/book/5261203/f8e7f9/studies-in-medieval-legal-thought-public-law-and-the-state-11001322.html>.
40. Uvarov P. Yu. The 12th Century and the Secret of the Medieval West: Acquisition of Forms. *Srednie veka = Middle Ages*, 2013, iss. 74, pp. 42–59. (In Russian).
41. Strayer J.R. On the Medieval Origins of the Modern State. Princeton University Press Publ., 1970. 114 p. Available at: <https://people.bu.edu/chamley/HSFref/Strayer70.pdf>.
42. Robert L. Carneiro. Political Expansion as an Expression of the Principle of Competitive Exclusion. In R.C. and Elman R. Service (ed.). Origins of the State. The Anthropology of Political Evolution. Institute for the Study of Human Issues Publ., 1978, pp. 205–223. Available at: <https://archive.org/details/ronald-cohen-elman-r.-service-origins-of-the-state-the-anthropology-of-political-evolution-1978>.
43. Chirkin V.E. Comparative Political Science. Moscow, Norma-Infra Publ., 2011. 448 p.
44. McIlwain Ch.H. The Growth of Political Thought in the West. From The Greeks to the End of the Middle Ages. New York, The Macmillan Company Publ., 1932. 428 p. Available at: <https://archive.org/details/dli.ernet.13556>.
45. Fortescue J. De Laudibus Legum Angliae: A Treatise in Commendation of the Laws of England. Cincinnati, R. Clarke & Co. Publ., 1874. 381 p. Available at: <https://archive.org/details/delaudibuslegum00clergoog>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тимонин Анатолий Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Института права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Timonin Anatoly Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Theory of State and Law, Institute of Law.

Статья поступила в редакцию 21.01.2025; одобрена после рецензирования 31.01.2025; принята к публикации 31.01.2025. The article was submitted 21.01.2025; approved after reviewing 31.01.2025; accepted for publication 31.01.2025.